

УДК 902:903.59

ОБ ОТРАЖЕНИИ БЛИЗНЕЧНОГО КУЛЬТА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

С.В. Сотникова

Кафедра истории и культурологии Тобольской государственной социально-педагогической академии, 626150, Тобольск, ул. Знаменского, 58
svetlanasotnik@mail.ru

Рассматриваются парные разнополюсы захоронения андроновской эпохи (синташтинские, петровские, алакульские), в которых мужчина и женщина захоронены лицом друг к другу, в некоторых погребениях в «позе объятий». Предлагается толкование данного обряда. Подобные захоронения могли являться отражением близнечного культа. Принимая во внимание достаточно устойчивую связь мифологического образа близнецов с целительством, можно предположить, что такой ритуал имел целью предотвращение болезней и эпидемий.

Ключевые слова: эпоха бронзы, алакульская культура, памятники петровского типа, памятники синташтинского типа, парные захоронения, близнечный культ.

Парные разнополюсы погребения эпохи бронзы давно привлекают внимание исследователей. Они известны в ямной, катакомбной, срубной, андроновской культурах. Население, оставившее эти культуры, большинство исследователей относит к индоевропейской или индоиранской языковой общности. Характерной чертой андроновских (алакульских, а также предшествующих им петровских и синташтинских) комплексов являются разнополюсы парные погребения, в которых умершие были захоронены лицом друг к другу, а в некоторых случаях даже в «позе объятий». Подобные парные погребения были выявлены уже в первые годы изучения андроновской культуры [Грязнов, 1927, с. 172–221].

Интерпретация парных разнополюсов погребений, относящихся к эпохе бронзы, вызывает споры среди исследователей. Первым обратился к их специальному рассмотрению М.И. Артамонов на материалах эпохи бронзы юга европейской части России. Он исходил из представления об одновременности совершения погребений мужчины и женщины и интерпретировал их как захоронение мужчины вместе с насильственно умерщвленной для него неполноправной женой или наложницей. Такие захоронения, по мнению М.И. Артамонова, возникали в условиях перехода от матрилокального брака к патрилокальному и были связаны с похищением женщин. Однако брак посредством похищения приводил к обострению межродовых отношений и поэтому со временем был заменен соглашением, по которому женщина, переходившая в род мужа, получала некоторые права. Вместе с тем наиболее сильные и знатные могли позволить себе иметь рабынь-наложниц, по отношению к которым продолжала сохраняться традиция насильственного умерщвления. Поэтому, как считает М.И. Артамонов, установление господства патриархальных отношений следует относить не к тому времени, когда высок процент совместных погребений мужчин и женщин, а к тому, когда они становятся достаточно редки, но выделяются на фоне рядовых своим богатством. В Северном Причерноморье эта ситуация совпадает со временем срубной культуры. Но позднее, с развитием власти мужчин, к женам также стало предъявляться требование если не насильственной, то, по крайней мере, добровольной смерти [Артамонов, 1934, с. 122–124]. Эта гипотеза получила широкое признание и была принята на вооружение исследователями андроновской культуры.

К.В. Сальниковым в ходе изучения Алакульского могильника также были обнаружены совместные разнополюсы захоронения мужчин и женщин. Он отметил, что в условиях преобладания захоронений на левом боку, в парном разнополом захоронении (погребение 7, курган 8) женщина была положена на правый бок, что «несомненно вызвано стремлением обратить труп женщины лицом к телу мужчины» [Сальников, 1952, с. 63]. По его мнению парные погребения указывают на патриархальную стадию родового общества [Там же, с. 71].

Несколько по другому рассматривал этот вопрос М.П. Грязнов в работе, вышедшей в 1957 г. Он связывал возникновение андроновской культуры со сложением патриархального рода и объяс-

нял этим появление обычая похищения женщин и их насильственного погребения вместе с мужем в случае смерти. Однако исследователь признавал такие отношения возможными только для ранней федоровской (в соответствии с господствовавшей в то время периодизацией андроновской культуры К.В.Сальникова. – С.С.) стадии. Для более позднего, алакульского, этапа он считал характерным замену насильственного умерщвления жены обычаем ее погребения в могиле мужа после естественной смерти [Грязнов, 1957, с. 24].

В.С.Сорокин, опираясь на материалы могильника Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, высказал мнение о том, что следует по-разному подходить к интерпретации разновременных и одновременных парных разнополюх захоронений. Он считает, что брак путем умыкания не мог иметь сколько-нибудь широкого распространения и являться нормальной формой создания семьи. Распространение одновременных парных захоронений мужчин и женщин свидетельствует, по его мнению, о возникновении прочных брачных отношений, что «должно было породить представление о желательности сопровождения умершего супруга на тот свет с целью сохранения разрушаемой смертью семьи. Это могло даже выступать в качестве обязательного требования или нравственной обязанности...» [Сорокин, 1962, с. 118–119]. В то же время, полагает сорокин, «нельзя исключать и воздействие личной привязанности на решение принять добровольную смерть» [Там же]. Е.Е.Кузьмина также считает, что в парных разнополюх погребениях андроновской эпохи была захоронена полноправная жена, которая добровольно следовала за своим мужем [Кузьмина, 1986, с. 90–91]. Я.В.Рафикова, опираясь на срубно-алакульские материалы, высказала мнение о том, что парные захоронения совершались лишь в случае одновременной смерти супругов, или небольшого временного промежутка между их смертями, от нескольких недель до нескольких месяцев [Рафикова, 2008, с. 81].

Существует и другая интерпретация андроновских (в том числе петровских и синташтинских) парных разнополюх захоронений лицом друг к другу. Д.Г.Зданович считает, что такие погребения имели символический характер и представляли одну из версий так называемого «священного брака» с богиней. Особый акцент в обряде делался на фигуре женщины, при останках которой помещали богатый инвентарь, мужчине же отводилась роль «спутника» [Зданович, 1997, с. 54–56]. Е.В.Куприянова тоже полагает, что парные разнополюе захоронения в «позе объятия» можно интерпретировать как прообраз ритуала «священного брака», тесно связанного по данным мифологии с культом Богини и культурами плодородия. Это явление свидетельствует о существовании у населения рассматриваемых археологических культур культа женского божества и института женщины-жриц. Она отметила также, что в синташтинских и петровских памятниках этот вид захоронений имеет особый статус и высокое символическое значение. В алакульское время погребения в «позе объятия» утрачивают свой сакральный статус и становятся массовой формой обряда. Это может свидетельствовать либо о вытеснении культа Богини культом других божеств, либо о перенесении его проявлений из сферы погребальной обрядности в «сферу жизни» [Куприянова, 2009, с. 18–19]. В другой работе Е.В.Куприяновой предложена несколько иная трактовка погребений в «позе объятия». Она считает, что такие погребения косвенно могут быть связаны с институтом реального брака вообще, как отражением архетипа небесного брака [Куприянова, 2004, с. 121]. Отмечается также, что распространенное в индоевропейских погребальных обрядах соумирание (обычай сати) рассматривалось как вторичное вступление в брак через смерть. Со временем реальное соумирание исчезает из ритуальной практики, однако отголоски представлений о нем остаются [Там же, с. 122].

Таким образом, вопрос интерпретации парных захоронений мужчин и женщин лицом друг к другу или в «позе объятия» остается спорным. Следует согласиться с теми авторами, которые рассматривают их как символические. Но для уточнения интерпретации этих захоронений представляется необходимым еще раз обратиться к материалам таких погребений с целью выявления особенностей ритуала.

М.П.Грязнов в работе «Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане», вышедшей в 1927 г., представил материалы раскопок ряда андроновских (алакульских) погребений из могильников, расположенных в районе левых притоков реки Урал, к западу от г. Орска. Значительная часть исследованных им могил содержала парные захоронения. Особый интерес представляют погребения из могильников Кунакбай-сай и Урал-сай. Оба раскопанных погребения из могильника

Кунакбай-сай содержали парные захоронения мужчины и женщины. Несмотря на то что погребения были потревожены, удалось определить положение костяков. В могиле 1 умершие были положены лицом друг к другу – мужчина на левом, женщина на правом боку, головами на запад, в могиле 2 были захоронены два подростка, также на левом и правом боку лицом друг к другу, головами на запад. М.П.Грязнов не приводил антропологического определения этих костяков по половой принадлежности, но отметил, что на костях ног северного скелета (следовательно, того, что лежал на правом боку. – С.С.) были найдены пять медных бусин. Это позволяет предположить, что на правом боку был захоронена женщина, а на левом, следовательно, мужчина, как и в могиле 1. В могиле 8 могильника Урал-сай, также потревоженной, как удалось установить, мужчина и женщина, оба в возрасте 40–60 лет, были похоронены лицом друг к другу. В этой могиле обнаружено много бронзовых украшений: бусины, две подвески, обломок браслета [Грязнов, 1927, с. 177–178, 185–186]. Таким образом, уже на ранних этапах изучения андроновской (алакульской) культуры была выявлена традиция разнополых парных захоронений лицом друг к другу. Несмотря на то что все погребения были потревожены, удалось определить, что женщины были положены на правый, а мужчины – на левый бок. Причем женщины были захоронены в костюме, содержащем значительное количество бронзовых украшений.

Вызывает интерес и тот факт, что парному захоронению подвергались люди разных возрастов, но в каждой паре представлены люди одной возрастной группы: в могиле 1 могильника Кунакбай-сай были захоронены взрослые, в могиле 2 – подростки, в могиле 8 могильника Урал-сай – люди в возрасте 40–60 лет, т.е. по меркам того времени относящиеся к разряду стариков. Представляется, что возрастной критерий при составлении подобных «ритуальных пар» был весьма значим и его следует учитывать в ходе интерпретации этого обряда. Поэтому обратимся прежде всего к рассмотрению тех погребений, где нашел отражение данный критерий.

Исследования последних десятилетий существенно расширили источниковую базу для изучения вопроса о парных разнополых захоронениях андроновской эпохи – алакульских, петровских и синташтинских. Особенно важны для решения этого вопроса материалы ненарушенных погребений, на основании которых удалось установить, что в некоторых случаях мужчина и женщина не просто были захоронены лицом друг к другу, но воспроизводили «позу объятий». Такие погребения достаточно редки, они встречаются далеко не в каждом могильнике.

В связи с поставленной задачей представляют интерес материалы алакульского погребения 1 из оградки 4А группы Б могильника Лисаковский I, расположенного в Костанайской области (Казахстан). В могиле захоронено трое умерших, головами на юго-запад. Двое погребенных – мужчина в возрасте 30–35 лет и женщина в возрасте 25–30 лет – были уложены лицом друг к другу, мужчина – на левом, женщина – на правом боку. Женский костяк частично перекрывал мужской, лучевые кости рук обоих костяков лежали параллельно. Третий костяк находился несколько в стороне, за спиной женского. Он был уложен на левый бок, спиной к паре. В головах погребенных стояло шесть сосудов. При женском костяке обнаружено большое количество украшений, при двух других инвентаря не было. На черепе женского костяка зафиксировано восемь бронзовых подвесок в 1,5 оборота, обложенных золотым листом. Вокруг черепа располагалось шесть бронзовых ромбовидных подвесок, по-видимому, от головного убора. У затылочной части размещался сложный наконечник из бронзовых бусин, обойм, листовидных подвесок. На запястьях обеих рук – по два бронзовых браслета, на щиколотках – низки бронзовых бус [Усманова, 2005, с. 40–42, 225]. Материалы могильника Лисаковский I демонстрируют ту же тенденцию: погребенные в паре принадлежали к одной возрастной категории, женщина лежала на правом, мужчина – на левом боку, женский костяк был снабжен большим количеством украшений, включая наконечник. Несмотря на значительное число раскопанных могил, такое погребение было единственным в могильнике Лисаковский I.

В могильнике Тасты-Бутак I выявлено значительное количество парных захоронений, как одновременных, так и одновременных. Представляют интерес следующие погребения. В могиле из оградки 2 находилось парное захоронение детей в возрасте около 4 лет, головой на запад, в скор-

ченном положении, лицом друг к другу. В головах – два сосуда. Могила 3 из оградки 20 содержала парное захоронение детей – девочки 11-12 и ребенка 8 лет, лицом друг к другу, девочка – на левом, ребенок – на правом боку, в скорченном положении, головой на запад – северо-запад. В головах погребенных пять сосудов. В одном сосуде не менее трех астрагалов, и несколько находилось рядом с сосудом. В могиле 4 из оградки 21 обнаружено два детских скелета лицом друг к другу. Северный скелет, около 10-12 лет, на правом боку, южный, около 8-9 лет, на левом. Ноги северного костяка лежат поверх ног южного. На ногах северного скелета низки бронзовых бус. В центральной части могилы две просверленные раковины и просверленный клык. В головах – два сосуда. В могиле 2 оградки 24 захоронены двое детей в скорченном положении, лицом друг к другу. На костях рук костяка, лежащего на правом боку, обнаружен бронзовый браслет, на ногах – низки бронзовых бус. Кроме того, в могиле найдено семь астрагалов и три сосуда в головах. В оградке 38 обнаружены кости скелета мужчины возмужалого возраста на левом боку и женщины зрелого возраста на правом, лицом друг к другу. На щиколотках ног женского скелета – бронзовые бусы, а в области таза сзади – несколько бронзовых подвесок и обоймочек. В головах – три сосуда [Сорокин, 1962, с. 10, 18, 19, 20, 23].

Представляют значительный интерес материалы срубно-алакульского кургана могильника Селивановский II в Южном Зауралье. Этот курган интересен тем, что под его насыпью имелось 14 могил, шесть из которых содержали парные захоронения мужчины и женщины лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», кроме того, в парах были представлены люди одной возрастной категории [Рафикова, 2008, с. 72-83]. В могиле 2 были захоронены двое подростков. Костяк, лежавший на левом боку, принадлежал подростку 13-14 лет, другой костяк, лежавший на правом боку, – подростку 15-16 лет. В могиле 7 расчищено коллективное погребение четырех детей. Первый и второй костяки находились в западной части могилы лицом друг к другу. Первый костяк принадлежал ребенку 3-4 лет и лежал на левом боку, второй костяк принадлежал ребенку 6-7 лет и был захоронен на правом боку. Их руки согнуты в локтях и переплетены между собой. Третий и четвертый костяки, принадлежащие детям 6-7 лет, лежали в восточной половине ямы, оба в скорченном положении на правом боку, параллельно друг другу. В могиле 10 были захоронены женщина 20-22 лет и мужчина 25-30 лет. Костяк женщины находился на левом боку, а мужчины – на правом. На запястьях обеих рук женщины – бронзовые желобчатые браслеты, на шейных позвонках – низки пастовых бус, на щиколотках – такие же бусины. В могиле 12 также захоронены взрослые: женщина 20-25 лет, на левом боку, мужчина 30-35 лет, на правом. На запястьях обеих рук женского костяка были обнаружены бронзовые желобчатые браслеты, на щиколотках ног – пастовые бусы. Могила 13 содержала парное захоронение детей 7-8 и 8-9 лет. Первый костяк, принадлежавший ребенку 7-8 лет, лежал на левом боку, костяк второго ребенка, 8-9 лет, – на правом. Левая рука костяка первого находилась под черепом второго костяка, а правая обнимала сверху второй костяк. На запястьях обеих рук первого костяка – бронзовые браслеты, под черепом – пастовые бусины. За спиной второго костяка – четыре просверленных клыка волка. В могиле 14 костяк ребенка 9-10 лет лежал на левом боку, а костяк подростка 14-15 лет – на правом. Ребенок правой рукой обнимал подростка. Правее стоп подростка лежали просверленная раковина и три клыка волка.

Своеобразие срубно-алакульских материалов кургана 1 могильника Селивановский II заключается в том, что в отличие от чистых алакульских памятников, где женщины лежат на правом, а мужчины – на левом боку, женщины в парных погребениях этого могильника захоронены на левом, а мужчины – на правом боку. Несомненный интерес представляет и тот факт, что в одиночных погребениях этого кургана женщины захоронены на правом, а мужчины – на левом боку. Таким образом, в парных погребениях этого кургана женщины захоронены в соответствии с мужскими нормами погребальной обрядности, а мужчины – в соответствии с женскими.

Большое количество парных разнополых захоронений лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», обнаружено в могильнике Ветлянка IV (Соль-Илецкий район, Оренбургская область), в материалах которого наряду с алакульскими и срубными присутствуют абашевские черты, что

указывает на достаточно ранний характер памятника [Горбунов, 1992, с. 181-182]. Точное, антропологическое, определение возраста в публикации материалов этого памятника отсутствуют, но в табл. № 5, где сведены данные о парных погребениях, умершие разделены на три возрастные категории – дети, подростки и взрослые [Там же, с. 178–179]. В кургане 9 было четыре таких погребения. В погребении 12 этого кургана костяки, принадлежащие двум взрослым людям, лежали лицом друг к другу, на черепах обоих погребенных – по две бронзовые подвески в 1,5 оборота. На шейных позвонках правого скелета ожерелье из 44 бронзовых бусин и трех клыков кабана, на запястьях – бронзовые браслеты. У левого скелета на запястьях – бронзовые бусины. В погребении 27 два костяка, принадлежащие взрослым людям, лежали лицом друг к другу, причем левый скелет обнимал правый. За черепом правого костяка зафиксированы восемь ромбических бляшек и подвеска в 1,5 оборота, под черепом – три пастовые бусины, на запястьях – два бронзовых браслета. Если судить по инвентарю, то на правом боку находилась женщина, следовательно, на левом – мужчина. В погребении 28 два детских костяка лежали лицом друг к другу. Костяк, помещенный на правом боку, сопровождался подвеской в 1,5 оборота. В погребении 7 обнаружено два парных погребения лицом друг к другу в «позе объятий» (кости ног лежали взаимно переплетаясь). Одна пара представлена взрослым и подростком, другая – подростками. Пары были обращены головами друг к другу. В одной из пар при костяке, положенном на правый бок, найдено ожерелье из бронзовых бусин, а на руке – бронзовый браслет. В другой паре подобное ожерелье обнаружено при костяке, лежащем на левом боку. В кургане 11 этого могильника в погребении 3 лицом друг к другу были захоронены два человека старческого возраста – мужчина на левом, женщина на правом боку. Левая рука женщины плотно прижата к челюсти мужчины, а правая рука мужчины положена на ребра женщины. За спиной мужского костяка – каменная булава, на предплечье женщины – пастовые бусины. В кургане 14 парное захоронение взрослых совершено в могиле 2. Погребенные располагались лицом друг к другу. На тазовых костях скелета, находящегося на левом боку – 11 костяных наконечников стрел, один кремневый наконечник был в кости позвонка. При костяке, лежащем на правом боку обнаружены пастовые бусы [Там же, с. 170-175]. Несмотря на то что точное антропологическое определение материалов этого памятника не приводится, можно отметить следующую закономерность: в парных погребениях лицом друг к другу украшения находились в основном при костяках, положенных на правый бок, что позволяет предполагать их женскую принадлежность. В таком случае на левом боку хоронили мужчин, что подтверждается находками при таких костяках каменной булав (погребение 3 курган 11) и наконечников стрел (могила 2 курган 14). Своеобразной чертой ритуала, связанного с парными захоронениями лицом друг к другу, являются материалы могилы 12 кургана 9, в котором украшения находились при обоих костяках.

Традиция парных захоронений в «позе объятий» представлена и на памятниках предшествующего периода – синташтинских и петровских, генетически связанных с алакульскими. В ранних памятниках также имеются как коллективные погребения, включающие парное разнополое захоронение лицом друг к другу в «позе объятий», так и отдельные погребения пары. Наиболее выразительный материал петровского типа содержит яма 17 могильника Степное 7. В могиле захоронены три индивида. Положение костяков А и Б, возраст которых 15-17 лет, имитирует погребение в «позе объятий». Скелет А лежал на спине с разворотом на правый бок, кости его рук находились поверх грудной клетки костяка Б. С костяком А связано большое количество украшений: бусы в области лодыжек, наручные браслеты, височные украшения из бронзы и золота, челюстно-лицевая подвеска. При нем находились также два бронзовых топора, два ножа, тесло, две иглы, «пинцет». Костяк Б располагался на левом боку. Археологических вещей при этом костяке не было. Согласно антропологическому определению скелет А имел «спорную» половую принадлежность. Наиболее вероятно женская атрибуция скелета, но не исключено, что это был женоподобный юноша. Скелет Б определен как женский. Чуть в стороне от этой пары находился скелет женщины 45-55 лет на левом боку. При нем зафиксированы многочисленные украшения: четыре браслета, три височные подвески из бронзы и золотой фольги, бусы из бронзы, пасты и бирюзы [Зданович, Куприянова, 2007, с. 141–142; Аркаим..., 2009, с. 150–151].

В могильнике Кривое Озеро имелось синташтинское погребение (могила 6, курган 10), содержащее захоронение мужчины и женщины лицом друг к другу, которые были одного возраста – 30-35 лет. Рядом с женским костяком находился костяк ребенка. Мужчина был положен на правый

бок, руки согнуты в локтях. Кисть правой руки прижата к голове, кисть левой – направлена ко рту. Ноги согнуты под прямым углом. Рядом с костью предплечья левой руки находился бронзовый нож-кинжал, покрытый сверху и снизу слоем органического тлена. В районе черепа – остатки двух украшений из бронзы. В непосредственной близости от черепа погребенного располагались четыре сосуда, бронзовый нож-кинжал, костяной диск с отверстием в центре. Женщина была уложена на правый бок. Ее правая рука была согнута в локте и располагалась параллельно телу, левая согнута сильнее, ее кисть направлена ко рту. На запястьях рук – обломки бронзовых желобчатых браслетов. В головах женского костяка располагались сосуд, костяной диск с отверстиями, бронзовая скрепка с остатками дерева. Ребенок на левом боку в скорченном положении [Виноградов, 2003, с. 149–152; Рыкушина, 2002, с. 353–355].

Истоки ритуала, связанного с захоронением разнополых умерших в «позе объятий», вероятно, следует искать в более западных районах евразийских степей и в еще более глубокой древности. Наиболее близки к данным погребениям материалы ямного погребения 2 кургана 6 у с. Оланешты из Нижнего Поднепровья. Погребение содержало парное захоронение мужчины и женщины имитирующих «позу объятий». Костяк женщины лежал в скорченной позе на левом боку, верхняя часть скелета развернута на грудь. Левая рука находилась под грудью, будучи направлена лучевыми костями к тазу мужчины. Правая рука, слегка согнутая, лежала поверх скелета и была направлена лучевыми костями также к тазу мужчины. Кисти обеих рук лежали под тазом мужчины. Ноги были средне согнуты и находились под левой бедренной костью и тазом мужчины. Мужчина захоронен на правом боку, с большим наклоном на грудь. Левая рука слегка согнута, перекрывает правую женщины, лучевыми костями направлена к тазу. Лучевые кости правой руки, находящейся под грудью, лежат на локте правой руки женщины. Ноги сильно согнуты, левая бедренная кость перекрывает ноги женщины. На груди мужчины лежал бронзовый нож, за спиной женщины – два выпрямителя для древков стрел, изготовленные из песчаника. Погребенные лежали тесно прижавшись друг к другу. Оба костяка интенсивно окрашены малиновой охрой. Под черепами хорошо сохранился тлен от подстилки. На уровне материка яма была поперек перекрыта девятью дубовыми бревнами, на которые толстым слоем была нанесена желто-серая глина, поверх нее – тонкий слой белой глины [Яровых, 1990, с. 174–175]. Возраст погребенных составляет соответственно 22 и 27 лет [Яровых, 2005, с. 220–221]. Это погребение выделяется среди других также тем, что ямное население данного региона хоронило своих умерших в скорченной позе на спине, а не на боку.

Приведенные материалы весьма показательны. Во-первых, они свидетельствуют о том, что при совершении разнополых захоронений лицом друг к другу или в «позе объятий» стремились подобрать людей, относящихся примерно к одной возрастной категории. Так, в могиле 8 могильника Урал-сай захоронены двое взрослых в возрасте 40-60 лет. В могильнике Лисаковский мужчина имел возраст 30-35 лет, женщина – 25-30. В могильнике Степное 7 (могила 17) умершие имели возраст 15-17 лет, в могильнике Кривое озеро – 30-35 и т.д.

Во-вторых, практиковались разнополые погребения всех возрастных групп, не обязательно брачного детородного возраста. Например, в могиле 7 могильника Селивановский II одному из погребенных детей было всего 3-4 года, а другому – 6-7 лет. В могильнике Урал-сай (могила 8) погребенным было 40-60 лет, и по меркам того времени они считались глубокими стариками.

В-третьих, в алакульских, синташтинских и петровских комплексах достаточно четко проявляется тенденция захоронения мужчин на левом, а женщин – на правом боку. Исключение составляют материалы срубно-алакульского кургана могильника Селивановский II, где наблюдается обратная тенденция. Та же обратная закономерность прослеживается в материалах ямного парного погребения в могильнике у с. Оланешты в Нижнем Поднепровье. Не исключено, что это является особенностью данного варианта погребального обряда более западных районов.

Можно предложить следующую интерпретацию разнополых захоронений лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий». По-видимому, мужчина и женщина, захороненные в «позе объятий», представляли собой в ритуале одно существо, объединяющее в себе оба пола. Такой «божественный андрогин» – явление, достаточно распространенное в различных мифологических системах. Так в раввинском толковании библейского текста «Берешит-рабба» находим: «Адам и Ева бы-

ли сотворены соединенными по плечи спиной к спине; тогда Господь разделил их ударом секиры или разрезав их надвое. Другие полагают иначе: первый человек (Адам) был мужем с правой стороны и женой с левой стороны; Господь же разделил их на две половины» [*Элиаде*, 1998, с. 313]. В данном случае для нас представляют интерес, прежде всего сюжеты индоевропейской и индоиранской мифологической традиции, так как большинство исследователей относит синташтинские, петровские, алакульские и срубные памятники к индоиранским. В диалоге Платона «Пир» воспроизведен, вероятно древний греческий миф о том, что предки людей имевшие по два лица, четыре руки и четыре ноги, были трех родов: мужчины, женщины и андрогины, обладавшие признаками обоих полов. Зевс наказал этих перволюдей за их гордость, разрубив каждого вдоль и повернув лица и половые органы в сторону разреза. И вот теперь люди ищут утраченную половину, и, когда эти половины находят каждая свою, возникает эрос – любовь. Но потомство рождается только от разнополовых половин (потомков андрогинов) [*Токарев*, 1997, т. 1, с. 358].

В индоиранской традиции место мифологического первопредка-андрогина заняла пара близнецов: Яма и его сестра Ями у ведийских ариев, Йима и Йимак у иранцев. М.Элиаде полагает, что эти «парные первопредки» Яма–Ями, Йма–Йимак относятся к более поздней версии мифа о «первочеловеке», который был андрогином [*Элиаде*, 1998, с. 314]. Того же мнения придерживается Р.Н.Дандекар. Он считает, что в процессе эволюции мифологии Яма – двуполое прасущество – уступил место паре близнецов, которые и стали родителями человечества [*Дандекар*, 2002, с. 94–96]. Таким образом, в индоиранской традиции мы видим своеобразное расщепление двуполого мифологического образа на мужской и женский при сохранении одного и того же имени. Подобный мифологический образ сохранился и в балтийской традиции, уходящей корнями в индоевропейское прошлое. Так, в латышских дайнах упоминается о браке мужского персонажа Юмиса с женским персонажем Юмалой. Причем латышское имя Юмис восходит к древнему индоевропейскому названию божественного близнеца и родственно имени Яма. Кроме того, юмисом называли любой сдвоенный плод [*Иванов, Топоров*, 1982, с. 148–150, 162–163].

В свете близнечного мифа представляет интерес тот факт, что в рассматриваемых погребениях–синташтинских, петровских, алакульских, срубно-алакульских – пары составлены из людей, близких по возрасту или, по крайней мере, входящих в одну возрастную группу. Исходя из обычая экзогамии, женщины, захороненные рядом с мужчинами, не могли быть их женами, так как жены принадлежали другому роду и должны были быть захоронены на своем родовом кладбище. Для интерпретации парных захоронений андроновской эпохи важным представляется замечание Николая Дамасского о том, что скифы «старших себя считают отцами, младших – сыновьями, а сверстников – братьями» [*Попов*, 1982, с. 77] и, следует добавить, сестрами. Логично предположить, что в этом суждении содержится указание на употребление терминов родства также для обозначения возрастных групп, что было отмечено В.А.Поповым [*Попов*, 1982, с. 77–78]. Это сообщение интересно тем, что, отражает иранские представления о возрастных группах.

Таким образом, люди в андроновских парных разнополовых захоронениях не были близнецами по рождению, в лучшем случае они являлись братом и сестрой, но воплощали близнецов в ритуале, так как принадлежали к одной возрастной группе. В таком случае вполне объяснимым становится факт, что в «позе объятий» были захоронены даже маленькие дети 3-4 лет или старики 40-60 лет.

Материалы могильника Селивановский II свидетельствуют о том, что объединение в ритуале двух полов могло быть неоднократно продублировано. В этом могильнике пары, во-первых, захоронены лицом друг к другу, в «позе объятий», во-вторых, женщины захоронены по мужскому обряду, а мужчины – по женскому. Учитывая то, что в материалах этого памятника тесно переплетаются андроновские и срубные традиции, можно предположить, что в контактной зоне ритуал становился избыточным, он начинал транслировать одну и ту же информацию сразу по нескольким каналам, чтобы противостоять энтропии.

Воспроизведение близнечного мифа в ритуале имело целью воссоздание изначальной целостности, объединявшей в себе оба пола. В этом плане представляет интерес гимн «Ригведы» (X. 10), где Ями склоняет своего брата Яму вступить с ней в кровосмесительную связь, но Яма отказывается на том основании, что они брат и сестра. Вероятно то, что запрещалось в реальной жизни, было возможно и даже желательно в мифе и ритуале, иначе вообще не было бы человечества. Кровнородственные браки вообще характерны для мифического времени, где они не рассматрива-

ются как нарушение нормы. Прежде всего, это браки первопредков – брата и сестры, являющихся близнецами и представляющих собой единственную пару на земле. Поэтому происхождение людей непосредственно зависит от этого сакрального союза. Возможно и повторение этой ситуации, когда в результате какой-то катастрофы от инцеста происходит новое поколение людей. Эта ситуация соответствует снятию брачных и иных запретов в наиболее важных ритуалах [Левинтон, 1997, т. 1, с. 545].

Воспроизведение в ритуале брака «близнечной» пары означало возвращение к изначальной целостности мира, которая предшествовала Творению. Возвращение к Началу Творения было необходимым условием восстановления порядка (равновесия) в мире. Нарушенный мировой порядок нельзя было восстановить, такой мир считался безнадежно испорченным. Необходимо было в ритуале вернуться к изначальному состоянию мира, а затем создать его заново. Ритуальные захоронения разнополых пар «близнецов» могли совершаться в кризисной ситуации, когда возникала угроза существованию всего коллектива – и детей, и взрослых, и стариков. Это могли быть, к примеру, какие-то болезни или эпидемия.

В древнеиндийской (ведийской) традиции сохранилась связь близнецов с целительством. Вообще само понятие целительства связано с представлением о возвращении человеку целостности, нарушенной болезнью. В этой ситуации обращение в ритуале к божественным близнецам, являющимся символом изначальной целостности, выглядит наиболее действенным средством борьбы с болезнью. Поэтому связь мифологического образа божественных близнецов с целительством представляется далеко не случайной, связанной с глубинными истоками этого мотива. В роли целителей в древнеиндийской мифологической традиции выступают божественные братья-близнецы Ашвины (Насатьи). Так, в «Ригведе» о них говорится следующее: «Велика ваша помощь, о Ашвины, целительна, / Даже хромого, о..., вы восстановили» (РВ I. 117, 19); «Раджрашве вы даровали глаза, о Ашвины, / Вы сделали так, что слепой увидел свет» (РВ I. 117, 17); «Это про вас говорят, что вы целители, о Насатьи, / Даже слепого, даже истощенного, даже искореженного» (РВ X. 39, 3) и т.д. Необходимо обратить внимание на следующую особенность целительского мастерства Ашвинов. Они, как правило, лечат те недуги, которые связаны с нарушением целостности тела или его формы, как то хромота, слепота, истощенное или искореженное тело. Причем Ашвины являются родными братьями первой близнечной пары – Ямы и Ями.

Согласно версии, содержащейся в Шата-Брахмане (Шат.-бр. III), матерью близнецов является Саранью, которая родила Вивасвату сначала Яму и Ями. Затем Саранью, не любившая супруга, подменяет себя совершенно похожей женщиной, а сама, обернувшись кобылой, убегает из дому. Заметив обман, Вивасват превращается в коня и настигает Саранью. После примирения Саранью рождает двух братьев-близнецов Насатью и Дасру, которые и стали называться Ашвинами [Топоров, 1997, т. 1, с. 145]. Как считает В.Н. Топоров, в образе Ашвинов следует видеть следы древнего индоевропейского культа близнецов [Там же].

В балтийской мифологической традиции, имеющей индоевропейские истоки, также прослеживается связь близнечного культа с целительством. В литовской традиции сохранились представления о том, что с близнецами связана возможность как эпидемии, так и избавления от нее. В литовских деревнях при рождении двойни у коровы совершался очистительный ритуал опаживания на двух бычках, запряженных в соху. Считалось, что это предотвращает эпидемию [Иванов, Топоров, 1997, т. 1, с. 154].

Существование близнечного культа, связанного с целительством, возможно и в андроновской традиции. Так, в ходе изучения костных останков погребенных в могильнике Кривое озеро, Г.В. Рыкушина пришла к выводу о том, что причиной высокой смертности данной популяции могла быть эпидемия [Рыкушина, 2003, с. 360]. Примечательно, что в этом могильнике имелось парное захоронение мужчины и женщины лицом друг к другу, которые были одного возраста – 30-35 лет (могила 6, курган 10). Рядом с женским костяком находился костяк ребенка [Виноградов, 2003, с. 149–152; Рыкушина, 2002, с. 353–355]. Вероятно, с точки зрения мифологического мышления, для того чтобы избавиться от эпидемии, необходимо было вернуться к изначальной целостности мира, к моменту Творения, которое символизировала пара «близнецов», и создать новый мир – без болезней и эпидемий. Данный ритуал проводился, по-видимому, в разгар эпидемии, поэтому среди «близнечных» пар были представлены все возрастные категории. В таком случае становится объ

ясним и факт коллективных погребений, в которых помимо пары «близнецов» захоронены и другие умершие.

Библиографический список

- Аркаим: у истоков цивилизации. Челябинск, 2009. 224 с.
- Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.
- Горбунов В.С. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 166–194.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки: матер. особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л., 1927. Вып. 2. С. 172–221.
- Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения ин-та этнографии. 1957. Вып. 26.
- Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М., 2002. 286 с.
- Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. 93 с.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Из опыта исследования погребальных комплексов эпохи бронзы в Южном Зауралье: могильник Степное VII // XVII Урал. археол. совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 140–143.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Балтийская мифология // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 153–159.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. К проблеме лтш. JUMIS и балтийского близнечного культа // Балто-славянские исследования 1982 г. М., 1983. С. 140–175.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. 134 с.
- Куприянова Е.В. Миры синташтинской культуры: мужчины, женщины, дети // Аркаим: по страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 117–126.
- Куприянова Е.В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана (по материалам синташтинской, петровской и алакульской культур): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 21 с.
- Левинтон Г.А. Инцест // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 545–546.
- Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // Сов. этнография. 1982. № 1. С. 68–79.
- Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Рос. археология. 2008. № 4. С. 72–83.
- Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.
- Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // Матер. и исслед. по археологии СССР. 1962. № 120. 207 с.
- Токарев С.А. Двуполые существа // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 358–359.
- Топоров В.Н. Ашвины // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 1. С. 144–145.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.
- Элиаде М. Миф о воссоединении // Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1989. С. 273–323.

Яровой Е.В. Курганы энеолита—эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. Кишинев, 1990. 272 с.

Яровой Е.В. Мистика древних курганов. М., 2005. 464 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.02.2013

ABOUT THE RENUNCIATION OF THE TWIN CULT IN THE ANDRONOVSKY BURIAL RITUAL

S.V. Sotnikova

Tobolsk State Social and Pedagogical Academy, Department of History and Culturology, Znamenskogo str., 58, 626150, Tobolsk, Russia
svetlanasotnik@mail.ru

The article deals with the pair burials of the Andronovsky period (the Sintashta-type, the Petrovka-type, the Alakul-type), where a man and a woman were buried face to face. In some burials the skeletons were found in a pose of «embraces». The paper gives the survey of different interpretations of this burial type and the author offers his own point of view. On the one hand, it is necessary to consider that people of all ages were buried there. There are some burials of children in the age of 3-4 or old people in the age of 40-60. On the other hand, people of one age group were buried in the majority of pair burials. In the Indo-Iranian mythology such pairs of divine twins as the Yama and his sister Yami, Yma and his sister Ymak, who were the ancestors of people, are known. Some scientists consider that these pair ancestors of people are the later version of the myth of «a divine androgen». In «Rigveda» (X. 10) Yami offers her brother Yama to marry her, but the brother refuses, as they are the brother and the sister. Obviously, what was forbidden in life was possible and even desirable in myths and rituals. The pair burials, in which a man and a woman were buried face to face, embodied the marriage of divine twins in the ritual. In the Indo-Iranian tradition there is a rather stable relation of a mythological image of twins with healing. It is possible to assume that the ritual was directed to the prevention of diseases and epidemics.

Key words: the Bronze Age, the Sintashta-type sites, the Petrovka-type sites, the Alakul culture, pair burials, twins cult.

References

- Arkaim: u istokov tsivilizatsii. Chelyabinsk, 2009. 224 s.
- Artamonov M.I.* Sovmestnye pogrebeniya v kurganakh so skorchennymi i okrashennymi kostyakami // Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. 1934. № 7–8.
- Vinogradov N.B.* Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. 362 s.
- Gorbunov V.S.* Mogil'nik bronzovogo veka Vetlyanka IV // Drevnyaya istoriya naseleniya Volgo-Ural'skikh stepey. Orenburg, 1992. S. 166–194.
- Gryaznov M.P.* Pogrebeniya bronzovoy epokhi v Zapadnom Kazakhstane // Kazaki. Antropologicheskie ocherki. Mater. osobogo komiteta po issledovaniyu soyuznykh i avtonomnykh respublik. L., 1927. Vyp. 2. S. 172–221.
- Gryaznov M.P.* Etapy razvitiya khozyaystva skotovodcheskikh plemen Kazakhstana i Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy // Kratkie soobshcheniya in-ta etnografii. 1957. Vyp. 26.
- Dandekar R.N.* Ot ved k induizmu: Evolyutsioniruyushchaya mifologiya. M., 2002. 286 s.
- Zdanovich D.G.* Sintashtinskoe obshchestvo: sotsial'nye osnovy «kvazigorodskoy» kul'tury Yuzhnogo Zaural'ya epokhi sredney bronzy. Chelyabinsk, 1997. 93 s.
- Zdanovich D.G., Kupriyanova E.V.* Iz opyta issledovaniya pogrebal'nykh kompleksov epokhi bronzy v Yuzhnom Zaural'e: mogil'nik Stepnoe VII // XVII Ural. arkeol. soveshchanie. Ekaterinburg; Surgut, 2007. S. 140–143.
- Ivanov V.V., Toporov V.N.* Baltiyskaya mifologiya // Mify narodov mira. M., 1997. T. 1. S. 153–159.
- Ivanov V.V., Toporov V.N.* K probleme ltsh. JUMIS i baltiyskogo bliznechnogo kul'ta // Balto-slavyanskije issledovaniya 1982 g. M., 1983. S. 140–175.
- Kuz'mina E.E.* Drevneyshie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya. Frunze, 1986. 134 s.
- Kupriyanova E.V.* Miry sintashtinskoy kul'tury: muzhchiny, zhenshchiny, deti // Arkaim: po stranitsam drevney istorii Yuzhnogo Urala. Chelyabinsk, 2004. S. 117–126.
- Kupriyanova E.V.* Zhenskiy pogrebal'nyy kostyum epokhi sredney – nachala pozdney bronzy Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana (po materialam sintashtinskoy, petrovskoy i alakul'skoy kul'tur): Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Kazan', 2009. 21 s.
- Levinton G.A.* Intsest // Mify narodov mira. M., 1997. T. 1. S. 545–546.
- Popov V.A.* Polovozrastnaya stratifikatsiya v etnosotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh pervobytnosti (Vместo otveta opponentam) // Sov. etnografiya. 1982. № 1. S. 68–79.

- Rafikova Ya.V.* Srubno-alakul'skiy kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh pogrebeniy epokhi bronzy // Ros. arkhologiya. 2008. № 4. S. 72–83.
- Rykushina G.V.* Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya epokhi bronzy Yuzhnogo Urala po materialam mogil'nika Krivoe Ozero // Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk, 2003. S. 345–360.
- Sorokin V.S.* Mogil'nik bronzovoy epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane // Mater. i issled. po arkhologii SSSR. 1962. № 120. 207 s.
- Tokarev S.A.* Dvupolye sushchestva // Mify narodov mira. M., 1997. T. 1. S. 358-359.
- Toporov V.N.* Ashviny // Mify narodov mira. M., 1997. T. 1. S. 144–145.
- Usmanova E.R.* Mogil'nik Lisakovskiy I: fakty i paralleli. Karaganda; Lisakovsk, 2005. 232 s.
- Eliade M.* Mif o vossoedinenii // Eliade M. Aziatskaya alkhimiya. M, 1989. S. 273–323.
- Yarovoy E.V.* Kurgany eneolita–epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov'ya. Kishinev, 1990. 272 s.
- Yarovoy E.V.* Mistika drevnikh kurganov. M., 2005. 464 s.